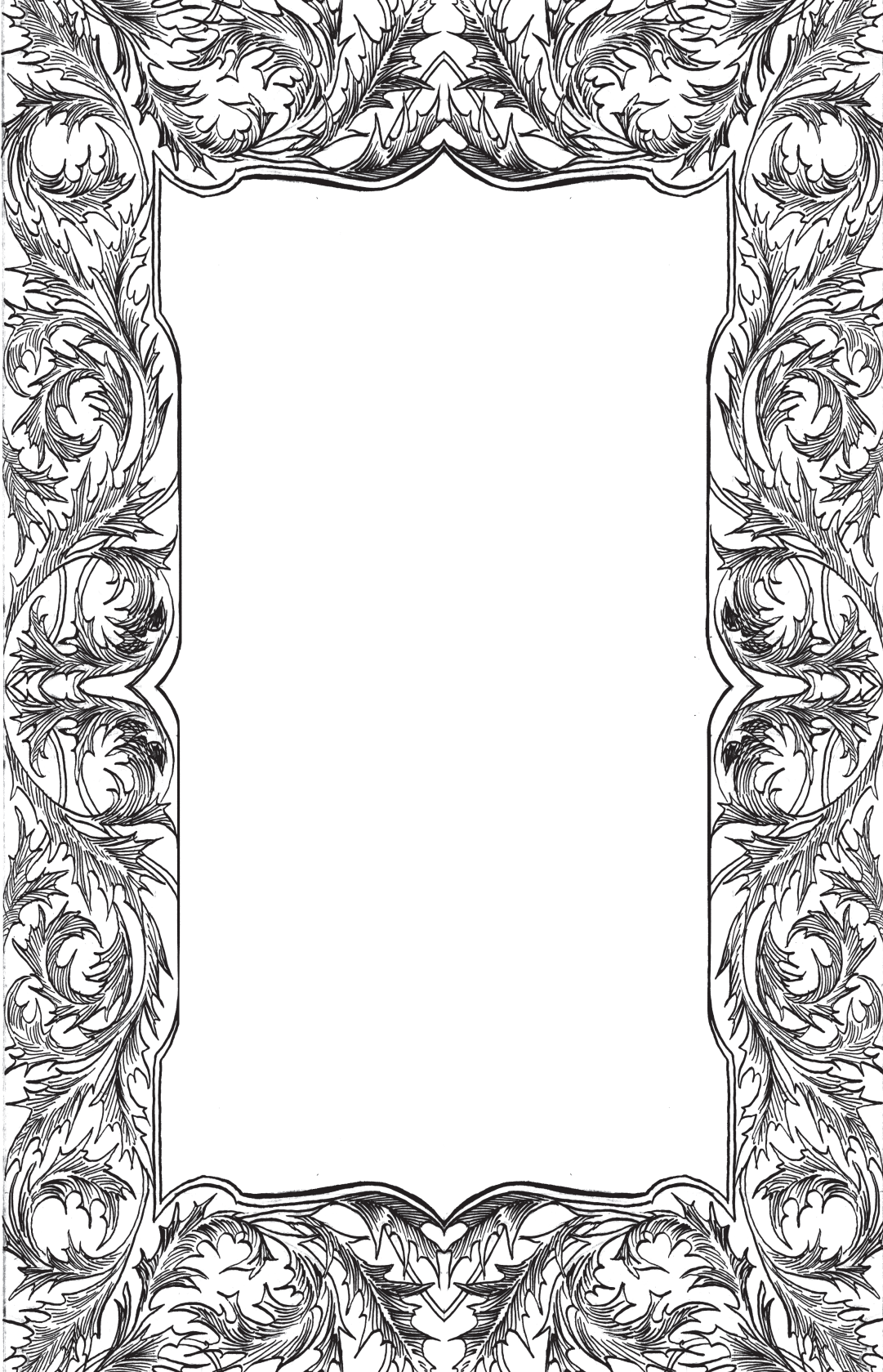

А. К. Толстой, А. П. Чехов,
В. Ф. Одоевский и другие

РУССКАЯ ХТОНЬ

СТРАШНЫЕ РАССКАЗЫ

бумажный
фонарик

А. К. Толстой

СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА

*Неизданный отрывок
из записок неизвестного*

В 1815 году в Вене собрался цвет европейской образованности, дипломатических дарований, всего того, что блистало в тогдашнем обществе. Но вот — Конгресс окончился.

Роялисты-эмигранты намеревались уже окончательно водвориться в своих замках, русские воины — вернуться к покинутым очагам, а несколько недовольных поляков — искать приюта своей любви к свободе в Кракове под сомнительной тройственной эгидой независимости, уготованной для них князем Меттернихом, князем Гарденбергом и графом Нессельроде.

Как это бывает к концу шумного бала, от общества, в свое время столь многолюдного, остался теперь небольшой кружок лиц, которые, все не утратив вкуса к развлечениям и очарованные прелестью австрийских дам, еще не торопились домой и откладывали свой отъезд.

Это веселое общество, к которому принадлежал и я, собиралось два раза в неделю у вдовствующей

княгини Шварценберг в нескольких милях от города за местечком Гитцинг. Истинная светскость хозяйки дома, еще более выигрывавшая от ее милой приветливости и тонкого остроумия, делала чрезвычайно приятным пребывание у нее в гостях.

Утро у нас бывало занято прогулкой; обедали мы все вместе либо в замке, либо где-нибудь в окрестностях, а вечером, усевшись у пылающего камина, беседовали и рассказывали всякие истории.

Говорить о политике было строго запрещено. Все от нее устали, и содержание наших рассказов мы черпали либо в преданиях родной старины, либо в собственных воспоминаниях.

Однажды вечером, когда каждый из нас успел что-то рассказать и мы находились в том несколько возбужденном состоянии, которое обычно еще усиливают сумерки и тишина, маркиз д'Юрфе, старик эмигрант, пользовавшийся всеобщей любовью за свою чисто юношескую веселость и ту особую остроту, которую он придавал рассказам о былых своих любовных удачах, воспользовался минутой безмолвия и сказал:

— Ваши истории, господа, конечно, весьма необыкновенны, но я думаю, что им недостает одной существенной черты, а именно — подлинности, ибо — насколько я уловил — никто из вас своими глазами не видел те удивительные вещи, о которых повествовал, и не может словом дворянина подтвердить их истинность.

Нам пришлось с этим согласиться, и старик, поглаживая свое жабо, продолжал:

— Что до меня, господа, то мне известно лишь одно подобное приключение, но оно так странно и в то же время так страшно и так достоверно, что одно могло бы повергнуть в ужас людей даже самого скептического склада ума. К моему несчастью, я был и свидетелем и участником этого события, и хотя вообще не люблю о нем вспоминать, но сегодня готов был бы рассказать о случившемся со мною — если только дамы ничего не будут иметь против.

Слушать захотели все. Правда, несколько человек с робостью во взгляде посмотрели на светящиеся квадраты, которые луна уже чертила по паркету, но тут же кружок наш сомкнулся теснее и все приумолкли, готовясь слушать историю маркиза. Господин д'Юрфе взял щепотку табаку, медленно потянул ее и начал:

— Прежде всего, милостивые государыни, попрошу у вас прощения, если в ходе моего рассказа мне придется говорить о моих сердечных увлечениях чаще, чем это подобает человеку в моих летах. Но ради полной ясности мне о них нельзя не упоминать. К тому же старости простительно забываться, и право же, это ваша, милостивые государыни, вина, если, глядя на таких красивых дам, я чуть ли сам уже не кажусь себе молодым человеком. Итак, начну прямо с того, что в тысяча

семьсот пятьдесят девятом году я был без памяти влюблен в прекрасную герцогиню де Грамон. Эта страсть, представлявшаяся мне тогда и глубокой и долговечной, не давала мне покоя ни днем, ни ночью, а герцогиня, как это часто нравится хорошеньким женщинам, еще усиливала это терзание своим кокетством. И вот, в минуту крайнего отчаяния, я в конце концов решил просить о дипломатическом поручении к господарю молдавскому, ведшему тогда переговоры с версальским кабинетом о делах, излагать вам которые было бы столь же скучно, сколь и бесполезно, и назначение я получил. Накануне отъезда я явился к герцогине. Она отнеслась ко мне менее насмешливо, чем обычно, и в голосе ее чувствовалось некоторое волнение, когда она мне сказала:

— Д'Юрфе, вы делаете очень неразумный шаг. Но я вас знаю, и мне известно, что от принятого решения вы не откажетесь. Поэтому прошу вас только об одном — возьмите вот этот крестик как залог моей дружбы и носите его, пока не вернетесь. Это семейная реликвия, которой мы очень дорожим.

С учтивостью, неуместной, быть может, в подобную минуту, я поцеловал не реликвию, а ту очаровательную руку, которая мне ее протягивала, и надел на шею вот этот крестик, с которым с тех пор не расставался.

Не стану утомлять вас, милостивые государыни,

ни подробностями моего путешествия, ни моими впечатлениями от венгерцев и от сербов — этого бедного и непросвещенного, но мужественного и честного народа, который, даже и под турецким ярмом, не забыл ни о своем достоинстве, ни о былой независимости. Скажу вам только, что, научившись немного по-польски еще в те времена, когда я жил в Варшаве, я быстро начал понимать и по-сербски, ибо эти два наречия, равно как русское и чешское, являются — и это вам, наверно, известно — не чем иным, как ветвями одного и того же языка, именуемого славянским.

Итак, я уже знал достаточно для того, чтобы быть в состоянии объясниться, когда мне однажды случилось попасть проездом в некую деревню, название которой не представило бы для вас никакого интереса. Обитателей дома, в котором я остановился, я нашел в состоянии подавленности, удивившей меня тем более, что дело было в воскресенье — день, когда сербы предаются обычно всяческому веселью, забавляясь пляской, стрельбой из пищали, борьбой и т. п. Расположение духа моих будущих хозяев я приписал какой-нибудь недавно случившейся беде и уже думал удалиться, но тут ко мне подошел и взял за руку мужчина лет тридцати, роста высокого и вида внушительного.

— Входи, — сказал он, — входи, чужеземец, и пусть не пугает тебя наша печаль; ты ее поймешь, когда узнаешь ее причину.

И он мне рассказал, что старик отец его, по имени Горча, человек нрава беспокойного и неуступчивого, поднялся однажды с постели, снял со стены длинную турецкую пищаль и обратился к двум своим сыновьям, одного из которых звали Георгием, а другого — Петром:

— Дети, — молвил он им, — я иду в горы, хочу с другими смельчаками поохотиться на поганого пса Алибека (так звали разбойника-турка, разорвавшего последнее время весь тот край). Ждите меня десять дней, а коли на десятый день не вернусь, закажите вы обедню за упокой моей души — значит, убили меня. Но ежели, — прибавил тут старый Горча, приняв вид самый строгий, — ежели (да не попустит этого бог) я вернусь позднее, ради вашего спасения, не пускайте вы меня в дом. Ежели будет так, приказываю вам — забудьте, что я вам был отец, и вбейте мне осиновый кол в спину, что бы я ни говорил, что бы ни делал, — значит, я теперь проклятый вурдалак и пришел сосать вашу кровь.

Здесь надо будет вам сказать, милостивые государины, что вурдалаки, как называются у славянских народов вампиры, не что иное в представлении местных жителей, как мертвецы, вышедшие из могил, чтобы сосать кровь живых людей. У них вообще те же повадки, что у всех прочих вампиров, но есть и особенность, делающая их еще более опасными. Вурдалаки, милостивые государи-

ни, сосут предпочтительно кровь у самых близких своих родственников и лучших своих друзей, а те, когда умрут, тоже становятся вампирами, так что со слов очевидцев даже говорят, будто в Боснии и Герцеговине население целых деревень превращалось в вурдалаков. В любопытном труде о привидениях аббат Огюстен Кальме приводит тому ужасающие примеры. Императоры германские не раз назначали комиссии для расследования случаев вампиризма. Производились допросы, извлекались из могил трупы, налитые кровью, и их сжигали на площадях, но сперва пронзали им сердце. Судебные чиновники, присутствовавшие при этих казнях, уверяют, что сами слышали, как выли трупы в тот миг, когда палач вбивал им в грудь осиновый кол. Они дали об этом показания по всей форме и скрепили их присягой и подписью.

После всего этого вам легко будет вообразить себе, какое действие слова старого Горчи произвели на его сыновей. Оба они упали к его ногам и умоляли, чтобы он позволил им отправиться вместо него, но тот, ничего не ответив, только повернулся к ним спиной и пошел прочь, повторяя припев старинной песни. День, в который я приехал сюда, был тот самый, когда кончался срок, назначенный Горчей, и мне было нетрудно понять волнение его детей.

То была дружная и хорошая семья. Георгий, старший сын, с чертами лица мужественными и

резкими, был, по-видимому, человек строгий и решительный. Был он женат и имел двух детей. У брата его Петра, красивого восемнадцатилетнего юноши, лицо носило выражение скорее мягкости, чем отваги, и его, судя по всему, особенно любила младшая сестра, Зденка, в которой можно было признать тип славянской красоты. В ней, кроме этой красоты, во всех отношениях бесспорной, меня прежде всего поразило отдаленное сходство с герцогиней де Грамон. Главное — была у нее та особенная складочка над глазами, которую за всю мою жизнь я не встречал ни у кого, кроме как у этих двух женщин. Эта черточка могла и не понравиться с первого взгляда, но стоило увидеть ее несколько раз, как она с неодолимой силой привлекала вас к себе.

То ли потому, что был я тогда очень молод, то ли в самом деле неотразимое действие производило это сходство в сочетании с каким-то своеобразным и наивным складом ума Зденки, но стоило мне две минуты поговорить с нею — и я уже испытывал к ней симпатию настолько живую, что она неминуемо превратилась бы в чувство еще более нежное, если бы мне подольше пришлось остаться в той деревне.

Мы все сидели во дворе за столом, на котором для нас были поставлены творог и молоко в кринках. Зденка пряла; ее невестка готовила ужин для детей, игравших тут же в песке; Петр с наигран-

ной беззаботностью что-то насвистывал, занятый чисткой ятагана — длинного турецкого ножа; Георгий, облокотившись на стол, сжимал голову ладонями, был озабочен, глаз не сводил с дороги и все время молчал.

Я же, как и все остальные, поддавшись тоскливому настроению, меланхолично глядел на вечерние облака, обрамлявшие золотую полосу неба, и на очертания монастыря, поднимавшегося над сосновым лесом.

Этот монастырь, как я узнал позднее, славился некогда чудотворной иконой богородицы, которую, по преданию, принесли ангелы и оставили ее на ветвях дуба. Но в начале минувшего века в те края вторглись турки, они перерезали монахов и разорили монастырь. Оставались только стены и часовня, где службу совершал некий отшельник. Он водил посетителей по развалинам и давал приют богомольцам, которые по пути от одной святыни к другой охотно останавливались в монастыре «божьей матери дубравной». Все это, как я уже упомянул, мне стало известно лишь впоследствии, а в тот вечер занимала меня уж никак не археология Сербии. Как это нередко бывает, если только дашь волю своему воображению, я стал вспоминать прошлое, светлые дни детства, мою прекрасную Францию, которую я покинул ради далекой и дикой страны. Я думал о герцогине де Грамон и — не буду этого скрывать — думал так-

же о некоторых современницах наших бабушек, чьи образы невольно проскользнули в мое сердце вслед за образом прелестной герцогини.

Вскоре я позабыл и о моих хозяевах, и о предмете их тревоги.

Георгий вдруг нарушил молчание:

— Скажи-ка, жена, в котором часу ушел старик?

— В восемь часов, — ответила жена, — я слышала, как в монастыре ударили в колокол.

— Хорошо, — проговорил Георгий, — сейчас половина восьмого, не позднее.

И он замолчал, опять устремив глаза на большую дорогу, которая исчезала в лесу.

Я забыл вам сказать, милостивые государины, что когда сербы подозревают в ком-нибудь вампира, то избегают называть его по имени или упоминать о нем прямо, ибо думают, что так его можно вызвать из могилы. Вот почему Георгий, когда говорил об отце, уже некоторое время называл его не иначе как «старик».

Молчание продолжалось еще несколько минут. Вдруг один из мальчиков, дернув Зденку за передник, спросил:

— Тетя, а когда дедушка придет домой?

В ответ на столь неуместный вопрос Георгий дал ребенку пощечину.

Мальчик заплакал, а его младший брат, и удивленный и испуганный, спросил:

— А почему нам нельзя говорить о дедушке?

Новая пощечина — и он тоже примолк. Оба мальчика заревели, а взрослые перекрестились.

Но вот часы в монастыре медленно пробили восемь. Едва отзвучал первый удар, как мы увидели человеческую фигуру, появившуюся из лесу и направившуюся в нашу сторону.

— Он! — воскликнули в один голос Зденка, Петр и их невестка. — Слава тебе господи!

— Господи, сохрани и помилуй нас! — торжественно проговорил Георгий. — Как знать, прошло ли уже или не прошло десять дней?

Все в ужасе посмотрели на него. Человек между тем все приближался к нам. Это был высокий старик с белыми усами, с лицом бледным и строгим; двигался он с трудом, опираясь на палку. По мере того как он приближался, Георгий становился все мрачней. Подойдя к нам, старик остановился и обвел свою семью взглядом как будто не видящих глаз — до того они были у него тусклые и впалые.

— Что ж это, — сказал он, — никто не встает, никто не встречает меня? Что вы все молчите? Иль не видите, что я ранен?

Тут я заметил, что у старика левый бок весь в крови.

— Да поддержи отца, — сказал я Георгию, — а ты, Зденка, напоила бы его чем-нибудь, ведь он, того гляди, упадет.

— Отец, — промолвил Георгий, подойдя к

